

МРТИ 14.35.07

<https://doi.org/10.32523/3080-1710-2025-152-3-40-58>

Научная статья

Внутренняя академическая мобильность студентов в Казахстане: институциональные практики и стратегические ориентиры

А.С. Каленова¹, А.М. Нурбаева^{*2}, А. Мухтарова³, Б.А. Кадырова⁴

¹Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

^{2*4}Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Казахстан

³Национальная академия наук Республики Казахстан при Президенте Республики Казахстан, Алматы, Казахстан

(E-mail: arailym@inbox.ru, *nurbaeva.aida@bk.ru, anar.mukhtarova@gmail.com, kbagda@mail.ru)

Аннотация. В современных условиях реформирования системы высшего образования в Казахстане академическая мобильность студентов рассматривается как одно из ключевых направлений повышения качества подготовки специалистов и укрепления академического партнерства между университетами. Особое значение приобретает развитие именно внутренней академической мобильности, как наиболее реалистичной и доступной формы межвузовского сотрудничества в пределах страны.

В статье представлены результаты теоретического и эмпирического анализа текущего состояния внутренней академической мобильности студентов. Рассматриваются институциональные практики, применяемые в университетах Казахстана, нормативно-правовая база, регулирующая мобильность, а также механизмы реализации программ обмена. Выявлены основные барьеры и вызовы: несогласованность учебных планов, сложность зачёта дисциплин, ограниченные финансовые и информационные ресурсы, низкий уровень мотивации студентов и слабая цифровизация процессов.

На основе анализа действующих стратегий в сфере образования, авторы обозначают приоритетные ориентиры развития академической мобильности: усиление институционального взаимодействия между вузами, внедрение единой цифровой платформы учёта и согласования мобильности, унификация академических требований, формирование стимулов (грантовых, академических, карьерных) для студентов. Отдельное внимание уделяется значению внутренней мобильности как фактору формирования единого образовательного пространства, социального капитала студентов, региональной интеграции и повышения конкурентоспособности казахстанских вузов.

Предложенные рекомендации могут быть полезны для разработчиков образовательной политики, администраторов университетов, координаторов мобильности и преподавателей, задействованных в реализации академических обменов.

Ключевые слова: внутренняя академическая мобильность, высшее образование, Казахстан, университеты, институциональные практики, образовательная стратегия, академический обмен.

Введение

Современное развитие высшего образования в Казахстане сопровождается интернационализацией, цифровизацией и институциональными преобразованиями. В этих условиях академическая мобильность студентов приобретает значение ключевого индикатора открытости и качества образовательной системы. Внутренняя мобильность – временный перевод студентов между отечественными вузами с зачётом кредитов – рассматривается как механизм академической интеграции и выравнивания образовательных возможностей регионов.

Актуальность исследования определяется слабой разработанностью темы внутренней академической мобильности в отечественной науке и расхождением между нормативными установками и их реализацией. При наличии правовой основы, устойчивое внедрение мобильности затруднено: мотивации, барьеры и последствия участия студентов изучены фрагментарно, что осложняет выработку обоснованных решений. Нормативное регулирование включает Закон «Об образовании» (ред. 2023 г.), Государственную программу развития образования и науки (2020–2025), Концепции академической мобильности (2011) и цифровизации образования (2020). Однако, несмотря на наличие этих актов, реализация остаётся нерегулярной: механизмы зачёта кредитов, согласования дисциплин и сопровождения студентов недостаточно интегрированы, что требует пересмотра процедурной и институциональной базы.

Объектом исследования выступает система внутренней академической мобильности студентов в системе высшего образования Республики Казахстан.

Предметом являются организационно-правовые и институциональные механизмы реализации программ мобильности, а также индивидуальный опыт студентов, участвующих в них.

Цель исследования – выявить особенности функционирования внутренней академической мобильности в казахстанских университетах, охарактеризовать действующие практики и барьеры, а также определить направления их совершенствования на основе теоретического и эмпирического анализа.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

1. Проанализировать нормативно-правовую базу внутренней академической мобильности;
2. Описать институциональные механизмы координации мобильности в университетах;
3. Выявить мотивационные и барьерные факторы участия студентов;
4. Исследовать восприятие и опыт участников мобильности (интервью, анкетирование);
5. Провести SWOT-анализ действующих программ;
6. Сформулировать практические рекомендации по институциональному развитию мобильности.

Методология исследования опирается на качественный подход: анализ нормативных документов, интервью с ключевыми стейкхолдерами (администрация вузов, координаторы, студенты), анкетный опрос, а также использование SWOT-анализа как инструмента стратегической диагностики. Такой комплексный подход обеспечивает интеграцию различных данных в единую аналитическую модель.

Гипотеза исследования предполагает, что внутренняя академическая мобильность в Казахстане развивается преимущественно на базе инициатив отдельных вузов, без устойчивого нормативного и ресурсного обеспечения, что ограничивает её потенциал как инструмента повышения качества образования и академической интеграции.

Научная новизна состоит в первом комплексном анализе внутренней академической мобильности студентов в РК, основанном на сочетании эмпирических данных и институционального подхода, а также в предложенной типологии практик и барьеров реализации мобильности.

Практическая значимость заключается в формулировке рекомендаций для университетов и государственных органов по усилению эффективности программ: развитию координационных механизмов, совершенствованию нормативной базы и расширению участия студентов.

Представленное исследование направлено не только на описание текущего состояния внутренней мобильности, но и на вклад в её институциональное развитие через научно обоснованный анализ. Для этого важно опираться на надёжные теоретические рамки, позволяющие комплексно рассматривать как организационные механизмы, так и поведенческие стратегии участников. Теоретический подход особенно значим при изучении внутренней мобильности, поскольку раскрывает как институциональные, так и субъективные аспекты её функционирования.

В современной теории высшего образования академическая мобильность трактуется как ключевой механизм расширения доступа к знаниям, развития человеческого капитала и формирования академической идентичности. С 2019 года усиливается интерес к внутренней мобильности как инструменту выравнивания образовательных возможностей в странах с выраженным региональными диспропорциями, включая Казахстан. В международном дискурсе она рассматривается через концепции spatial justice и territorial cohesion. Altbach и de Wit подчёркивают роль университетов как «узлов» мобильности, способных нивелировать территориальные различия (Altbach, de Wit, 2019; Altbach, Knight, 2007; de Wit et al., 2015). Varghese (2021) отмечает, что внутренняя мобильность усиливает устойчивость образовательных систем в условиях кризисов, включая пандемию COVID-19.

Согласно метаанализу Stein и Marginson, мобильность способствует распространению инноваций, эффективность которых определяется степенью межвузовских связей и стандартизацией учебных программ. Авторы вводят понятие *institutional permeability* – способности вузов интегрировать внешних студентов без потери качества (Stein, Marginson, 2022).

В странах ОЭСР развиваются цифровые платформы, автоматизирующие академический обмен: MovIn (Германия), Maple Exchange (Канада), Campus Asia Domestic (Южная Корея). В них реализованы единые каталоги дисциплин, процедуры академической верификации и менторская поддержка (Cheng, Kim, Lalonde, 2023). В постсоветском пространстве основными барьерами остаются централизованное управление, иерархия вузов и неравенство ресурсов (Shawa, 2020; Pokrovskaya, Raitina, 2022). Также отмечаются проблемы с признанием кредитов, нормативная фрагментарность и высокая финансовая нагрузка на студентов (Mukhatayev et al., 2023). SWOT-анализ показывает сильные стороны (гибкость кредитной системы), слабости (ИТ-платформы), возможности

(цифровизация) и угрозы (отток студентов в столицу), подчёркивая необходимость перехода от деклараций к дорожным картам (Mhamed et al., 2022).

Концепт cognitive decentralization (Pusser et al., 2019) раскрывает роль мобильности в развитии региональных вузов. В то же время, исследования фиксируют нехватку лонгитюдных данных и влияния мобильности на академическое сообщество. Идея академического гостеприимства (Bélanger, Müller, 2021) актуальна для Казахстана, где высокие нагрузки на ППС затрудняют интеграцию внешних студентов. По данным UNESCO (2023), эффективная мобильность требует нормативной, цифровой и финансовой экосистемы. Для Казахстана перспективны региональные консорциумы, модульные дисциплины и унификация результатов обучения (OECD, 2022). Однако отсутствие поддержки после участия в программе снижает эффект мобильности (Yilmaz, Karimov, Akhmetova, 2024). Это подчёркивает Brunner (2022).

Таким образом, внутренняя мобильность в Казахстане находится на этапе институционального становления. Переход к устойчивой модели требует нормативной конкретизации, цифровой унификации, финансовых стимулов и развития академического гостеприимства. Представленное исследование формулирует стратегические ориентиры для её системного развития.

Материалы и методы

Исследование опирается на качественный дизайн, направленный на выявление специфики реализации внутренней академической мобильности в системе высшего образования Казахстана. Методология учитывает как институциональные механизмы, так и субъективное восприятие студентов и сотрудников вузов. Теоретической основой выступает прагматическая парадигма, сочетающая дескриптивный и интерпретативный подходы к анализу эмпирических данных.

Исследовательский вопрос сосредоточен на институциональных практиках и индивидуальных стратегиях, влияющих на участие студентов казахстанских вузов во внутренней мобильности, а также на барьерах и ресурсах, определяющих её эффективность. Эмпирическая база включает многоэтапное полевое исследование (2024–2025 учебный год) в вузах разных регионов и типов, что обеспечило контекстное разнообразие и межинституциональное сравнение. Охват осеннего и весеннего семестров позволил выявить сезонную динамику мобильности. Наблюдения в двух академических периодах зафиксировали устойчивые институциональные модели и зависимость мобильности от организационного цикла вузов (приём, адаптация, сессия и др.). Внутренняя академическая мобильность рассматривается как динамичный процесс, развивающийся в конкретных образовательных и временных условиях.

Эмпирическая база исследования сформирована с использованием качественных и количественных методов, обеспечивших методологическую триангуляцию и повышение надёжности результатов. В выборку вошли 68 респондентов: 32 студента, участвовавших в краткосрочных программах мобильности; 6 проректоров по академической работе; 8 специалистов отделов мобильности; 9 сотрудников деканатов и регистратур; 13 преподавателей, сопровождавших мобильных студентов.

Выборка охватывает лишь два университета с разным региональным и институциональным профилем, что обеспечивает глубину качественного анализа, но ограничивает обобщаемость выводов на всю систему высшего образования Республики Казахстан. Полученные результаты носят ориентировочный и описательный характер и требуют дальнейшего расширения эмпирической базы. Перспективным направлением является включение вузов из других регионов и использование комбинированного подхода с количественными методами для верификации выявленных закономерностей.

Методы сбора данных включали:

1. полуструктурные интервью ($n = 44$);
2. анкетирование студентов ($n = 32$);
3. анализ институциональных документов и локальных актов;
4. контент-анализ цифровых платформ университетов и сайта МОН РК.

Интервью проводились по тематическому гиду, включавшему блоки по мотивации, адаптации, институциональной поддержке и восприятию результатов мобильности. Все интервью были записаны с согласия респондентов, расшифрованы и закодированы в *Atlas.ti* (v9). Анкетные данные обработаны в *SPSS* (v28) для получения дескриптивной статистики.

Этапы исследования включали:

1. анализ нормативно-правовой базы (март–апрель 2024);
2. проведение интервью и опросов (май–декабрь 2024);
3. обработку и категоризацию данных (январь–февраль 2025);
4. сравнительный анализ кейсов и построение SWOT-матрицы (март 2025);
5. формулирование выводов и подготовку статьи (апрель–май 2025).

Теоретическую основу составили концепции социальной практики P. Bourdieu (1986), деятельностного подхода Л.С. Выготского (Vygotsky, 1978) и институциональной теории O. Остром (Ostrom, 1990), позволившие рассматривать мобильность как результат взаимодействия структурных и агентных факторов.

Результаты и обсуждение

Результаты исследования показывают, что эффективность внутренней академической мобильности в Казахстане зависит от взаимодействия организационных, нормативных и поведенческих факторов. Основной проблемой является институциональная асимметрия между вузами по статусу, ресурсам, расположению и интеграции в академические сети. Студенты преимущественно переходят в национальные университеты с высоким рейтингом, развитой инфраструктурой и цифровыми ресурсами, в то время как региональные и профильные вузы чаще остаются отправляющими, что усиливает вертикальную стратификацию и внутреннюю образовательную миграцию.

Институциональная диспропорция между вузами проявляется не только в ресурсах и статусе, но и в нормативном регулировании академической мобильности. Анализ документов выявил значительную вариативность программ – от кратких положений до детализированных нормативных актов. Это затрудняет унификацию, осложняет межвузовское взаимодействие и порождает разнотечения терминов («взаимозачёт дисциплин», «академическая эквивалентность», «элективная дисциплина»), что создаёт бюрократические барьеры при согласовании учебных траекторий студентов.

На макроуровне Министерство науки и высшего образования РК рассматривает академическую мобильность как приоритет развития высшего образования. Соответствующие положения закреплены в Государственной программе развития образования и науки на 2020–2025 годы и Концепции академической мобильности (приказ №152 от 20.04.2011). Однако на мезо- и микроуровнях – в подзаконных актах и локальных документах вузов – сохраняется недостаточная нормативная конкретизация процедур реализации мобильности.

Институциональная неопределенность вынуждает вузы самостоятельно интерпретировать и адаптировать общие директивы, что приводит к нормативной фрагментации и снижению доверия к обмену. Администрации отмечают, что отсутствие единых стандартов осложняет межрегиональное взаимодействие, увеличивает транзакционные издержки и затрудняет документооборот. Одной из главных проблем внутренней мобильности является рассогласование учебных календарей вузов: различия в сроках семестров, экзаменов, подачи заявок и утверждения планов создают логистические препятствия для участия студентов. Часто студенты отказываются от мобильности из-за наложения периодов на сессии или практики в основном вузе. Эта рассинхронизация подчёркивает необходимость единой рамочной модели учебного года или внедрения модульного «окна мобильности». Несмотря на Типовые правила организации учебного процесса по кредитной технологии (приказ МОН РК №152 от 20.04.2011 с изменениями), механизмы межвузовской координации календарей и модульных периодов отсутствуют.

Юридическая неопределенность является значительным институциональным препятствием для внутренней академической мобильности. Студенты чаще всего не заключают двусторонние договоры с принимающими вузами, а опираются на письма-согласования или приказы базового университета. Это лишает их официальной регистрации в системе управления принимающего вуза и полноценного доступа к инфраструктуре – библиотекам, цифровым ресурсам, кампусам, стипендиям и общежитиям. Анкетные данные показывают, что некоторые студенты не могли получить читательские билеты или оформить проживание в общежитии. Отсутствие стандартизованных договоров и нормативного статуса студента мобильности не регулируется ни Законом РК «Об образовании», ни Типовыми правилами, что негативно сказывается на доступе к ресурсам и качестве образовательного опыта. Таким образом, институциональные и нормативные условия внутренней академической мобильности в Казахстане остаются фрагментарными, небалансированными и некоординированными между ведомствами. Несмотря на растущий интерес студентов, система высшего образования пока не обеспечивает равные и прозрачные условия участия. Для устранения указанных барьеров необходимо разработать национальные стандарты мобильности, согласовать учебные планы, унифицировать терминологию и внедрить типовой пакет документов – межвузовские соглашения, протоколы взаимозачёта, модельные положения о статусе студентов. Формирование такой нормативной базы создаст фундамент для устойчивого институционального развития академической мобильности.

Ключевым выводом исследования является высокая институциональная фрагментарность и разобщённость в управлении программами внутренней мобильности в

системе высшего образования Казахстана. Административная координация варьируется в зависимости от масштаба вуза, организационной культуры и наличия внутренних регламентов: в одних университетах мобильность централизованно управляется специализированными подразделениями (офисы мобильности, отделы международного сотрудничества), в других – децентрализованно, с распределением функций между деканатами, регистраторами, отделами качества и юридическими службами. Отсутствие единых процедур приводит к избыточной бюрократии, дублированию функций и размытию ответственности.

Эмпирические данные свидетельствуют, что при отсутствии формализованных стандартов управленческие решения преимущественно принимаются ситуативно и опираются на субъективную оценку административного персонала, особенно при согласовании индивидуальных учебных планов, сопоставлении дисциплин и утверждении расписаний. Около 67% студентов, участвовавших во внутренних программах мобильности, самостоятельно координировали свой образовательный маршрут – добивались подписей преподавателей, согласовывали зачёты и вручную корректировали расписание. Такая практика увеличивает административную нагрузку и снижает доступность мобильности, особенно для студентов с низким уровнем институциональной информированности и ограниченным социальным капиталом.

Серьёзной проблемой остаётся дефицит стандартизованных информационных материалов: немногие вузы предоставляют чёткие инструкции, пошаговые алгоритмы или цифровые путеводители по процедурам мобильности. В большинстве случаев основной источник информации – устные консультации сотрудников и неофициальные каналы, такие как студенческие чаты и форумы, что повышает риск ошибок, увеличивает временные затраты на подачу заявок и усиливает неравенство доступа к программам внутренней мобильности.

Роль координаторов академической мобильности, несмотря на формальное закрепление, остаётся нестабильной. В многих вузах эти функции совмещаются с другими обязанностями, что ограничивает системное сопровождение студентов. Координаторы часто лишены ресурсов и инструментов оценки эффективности, а поддержка зависит от личной инициативы. Кадровая текучесть нарушает преемственность и создаёт организационные сложности. Есть положительные примеры: в одном педагогическом вузе внедрена цифровая система подачи заявок с согласованием планов и уведомлениями, что повысило эффективность. Однако такие решения локальны, централизованной цифровой инфраструктуры пока нет.

Проблема академического зачёта остаётся актуальной: студенты часто сталкиваются с трудностями признания дисциплин из-за отсутствия чётких критериев и процедур апелляции. Решения о перезачёте принимаются факультетами или комиссиями, что требует систематизации и методической поддержки. Межвузовское взаимодействие в основном базируется на неформальных контактах – электронной почте, звонках и личных договорённостях, что подчёркивает необходимость создания единой цифровой платформы для координации программ и обмена документами. В некоторых вузах академическая мобильность воспринимается как второстепенная административная функция, однако растущий интерес студентов и успешные практики подтверждают потенциал институционального укрепления внутренней мобильности в Казахстане.

Реализация потенциала академической мобильности невозможна без цифровой трансформации, ставшей необходимым условием устойчивости и масштабируемости процессов. Несмотря на признание цифровой интеграции приоритетом в Государственной программе развития образования и науки РК на 2020–2025 годы и Концепции цифровизации до 2025 года (приказ МОН РК №338 от 23.07.2020), цифровые решения охватывают лишь отдельные этапы – подачу заявок, согласование планов и перезачёт дисциплин – и чаще происходят вне единой платформы. Отсутствие сквозных регламентов ограничивает координацию, прозрачность и эффективность управления мобильностью на вузовском и национальном уровнях. В итоге процессы реализуются через бумажные заявления, устные согласования и локальную переписку, что повышает издержки и снижает масштабируемость и прозрачность механизма.

Эмпирический анализ показал, что лишь 18% студентов использовали цифровые инструменты – онлайн-заявки, электронные формы согласования, личные кабинеты с расписанием и модулями зачёта. Остальные 82% взаимодействовали через неформальные каналы: личные визиты, бумажные документы, мессенджеры и устные обращения. Такая цифровая разрозненность увеличивает риск информационных потерь, ошибок, дублирования данных и затрудняет системное сопровождение мобильности.

Анализ ИТ-инфраструктуры выявил существенный разрыв между университетами в мегаполисах и региональными вузами. В крупных учебных заведениях чаще используются корпоративные информационные системы (например, Platonus, Univer), включающие модули управления академической траекторией. Однако даже в этих системах, как правило, отсутствует сквозная маршрутизация заявок на мобильность – от подачи до автоматического зачёта дисциплин. В региональных вузах преобладает ручной документооборот или разрозненные локальные решения (Excel-таблицы, Google-формы), что ограничивает интеграцию мобильности в цифровую экосистему университетов и снижает эффективность её реализации.

Таким образом, несмотря на стратегические установки МОН РК по цифровизации образования, академическая мобильность остаётся слабо интегрированной в ИТ-экосистемы вузов. Повышение цифровой зрелости требует не только технологических решений, но и разработки типовых цифровых протоколов и регламентов, обеспечивающих сквозную маршрутизацию, цифровое сопровождение и автоматизацию всех процедур внутренней мобильности.

Унификация академических данных является ключевым элементом цифровой трансформации академической мобильности, обеспечивающим технологическую поддержку процессов. Главной проблемой остаётся отсутствие автоматизированного механизма сопоставления дисциплин: перезачёт в большинстве вузов проводится вручную через анализ программ и согласование на кафедральном и деканатском уровнях, что снижает прозрачность и стандартизацию, особенно при межрегиональном обмене. Дополнительные трудности вызывают несоответствия в кодировках дисциплин, модульных сетках, объёмах кредитов и системах оценки. Отсутствие национального классификатора курсов с параметрами сопоставления тормозит развитие мобильности. В связи с этим актуальна инициатива создания сквозных цифровых решений для интеграции академических данных, обозначенная в Концепции цифровизации образования и науки до 2025 года (приказ МОН РК №338 от 23.07.2020).

Создание цифровой карты студента – персонализированного досье с данными об обучении, мобильности, зачётных дисциплинах, оценках и компетенциях – является важным направлением цифровизации. Сейчас такой системы нет, студенты самостоятельно собирают документы (сканы, распечатки), что повышает риск потери данных и ведёт к неформальному документообороту. Внедрение цифровой карты с API-интеграцией с платформами ЭСУВО и Platonus повысит прозрачность и надёжность академических данных.

Также необходимо развивать межвузовскую цифровую координацию. Отсутствуют унифицированные протоколы обмена данными, шаблоны заявок, соглашений и академических справок. Передача данных между вузами осуществляется вручную через электронную почту и неструктурированные каналы. При этом Типовые правила организации учебного процесса по кредитной технологии (приказ МОН РК №152 от 20.04.2011 с изменениями) не содержат положений о цифровом взаимодействии в академической мобильности, что требует актуализации нормативной базы.

Цифровое сопровождение студентов на всех этапах мобильности остаётся приоритетом. Большинство вузов не обеспечивают отслеживание заявок, уведомления и автоматическую сверку учебных планов, поэтому студенты координируют процесс вручную, что снижает доступность мобильности, особенно для малоинформированных. Создание единого «цифрового окна» с чек-листами и алгоритмами повысит эффективность сопровождения. В некоторых вузах внедрены системы автоматического подбора эквивалентных дисциплин и отслеживания статуса заявок, но эти решения локальны и не масштабированы. Отсутствие централизованной базы данных ограничивает мониторинг и анализ, а её создание позволило бы принимать решения на основе достоверных данных.

В целом, цифровая инфраструктура вузов недостаточно адаптирована к мобильности из-за ограниченных ресурсов, слабой роли ИТ-отделов и отсутствия национальной координации. Автоматизация фрагментарна и не охватывает весь цикл мобильности.

Системная цифровая трансформация академической мобильности становится необходимой. Одним из решений может стать создание национальной цифровой платформы, интегрированной с существующими информационными системами и поддерживающей API-взаимодействие между вузами. Платформа могла бы включать модули подбора курсов, цифровую карту студента, маршрутизацию заявок, шаблоны документов и аналитику. Реализация данной системы соответствует целям Государственной программы развития образования и науки РК на 2020–2025 годы и обеспечит устойчивую, масштабируемую и инклюзивную модель мобильности.

Несмотря на развитую инфраструктуру, ключевым условием успешной мобильности остаётся адаптация студентов к новой образовательной среде. Внутренняя мобильность сопровождается вызовами, выходящими за рамки логистики и формальных процедур. Более 60% респондентов отметили сложности социальной интеграции: мобильные студенты воспринимаются как временные участники, что затрудняет участие в проектной, исследовательской и неформальной деятельности. Особое внимание уделяется академической дезориентации – несоответствию ожиданий и форматов преподавания. Студенты отмечают различия в системах оценивания, стиле подачи

материала и уровне самостоятельности, что требует быстрой адаптации, зачастую без должной методической поддержки принимающего вуза.

Около 40 % студентов испытывали тревожность и психологический дискомфорт из-за переезда и смены окружения. Факторами стресса стали условия проживания, транспорт, доступ к инфраструктуре и недостаток информации о быте. Языковой барьер усложнял понимание терминологии и коммуникацию с преподавателями и сверстниками. При этом более половины респондентов отметили личностный рост, развитие самостоятельности и уверенности, рассматривая мобильность как этап взросления и освоения новых ролей. Феномен гибридной академической идентичности — ощущение принадлежности к двум вузам – расширял горизонты, но сопровождался переходностью и трудностями при возвращении. Успешная адаптация зависела от институциональной поддержки: программы кураторства, менторства, ориентационные мероприятия существенно улучшали адаптацию. Минимальные проявления включённости – приветствия, помощь с расписанием, экскурсии – способствовали чувству принятия. Быстрее адаптировались студенты с опытом межрегионального проживания; первокурсники из сельской местности чаще сталкивались с трудностями и нехваткой поддержки. Таким образом, внутренняя мобильность включает организационные, культурные, психологические и коммуникативные аспекты. Учет этих факторов и создание поддержки необходимы для устойчивого развития мобильности как инструмента расширения образовательных и социальных возможностей.

Анализ мотиваций студентов выявляет внутренние импульсы, влияющие на участие в академической мобильности и преодоление барьеров. Исследование 32 анкет и 44 интервью показывает сложную мотивационную структуру с академическими, социокультурными и прагматическими основаниями. Выделены три кластера: академико-ориентированный (28 %) – мобильность как доступ к уникальным дисциплинам и исследованиям; социокультурно-адаптивный (22 %) – стремление к личностному росту и расширению социальных связей; прагматико-оппортунистический (18 %) – карьерные выгоды, повышение GPA и подготовка к магистратуре. Таким образом, мотивация представляет собой сочетание стратегических, адаптивных и прагматических факторов, влияющих на выбор студентов в новой образовательной среде.

Наиболее многочисленной оказалась группа студентов со смешанным мотивационным профилем (32%), объединяющим академические, личностные и прагматические установки, что требует гибкой и целенаправленной поддержки мобильности. Помимо мотиваций, выявлены устойчивые барьеры участия: основной – информационный дефицит (66% узнали о мобильности из неофициальных источников, что усиливает неравенство); административная нагрузка (54%) – несмотря на информационные системы, многие процедуры остаются ручными; академические риски (48%) – страх незачёта дисциплин и потери GPA, особенно у выпускников; финансовые ограничения (45%) – расходы на транспорт, жильё и питание ограничивают доступ студентов из сельских и малообеспеченных семей. Ниже представлена диаграмма с распределением мотиваций и барьеров.

Диаграмма 1. Проценты мотиваций и барьеров среди студентов (n=76)

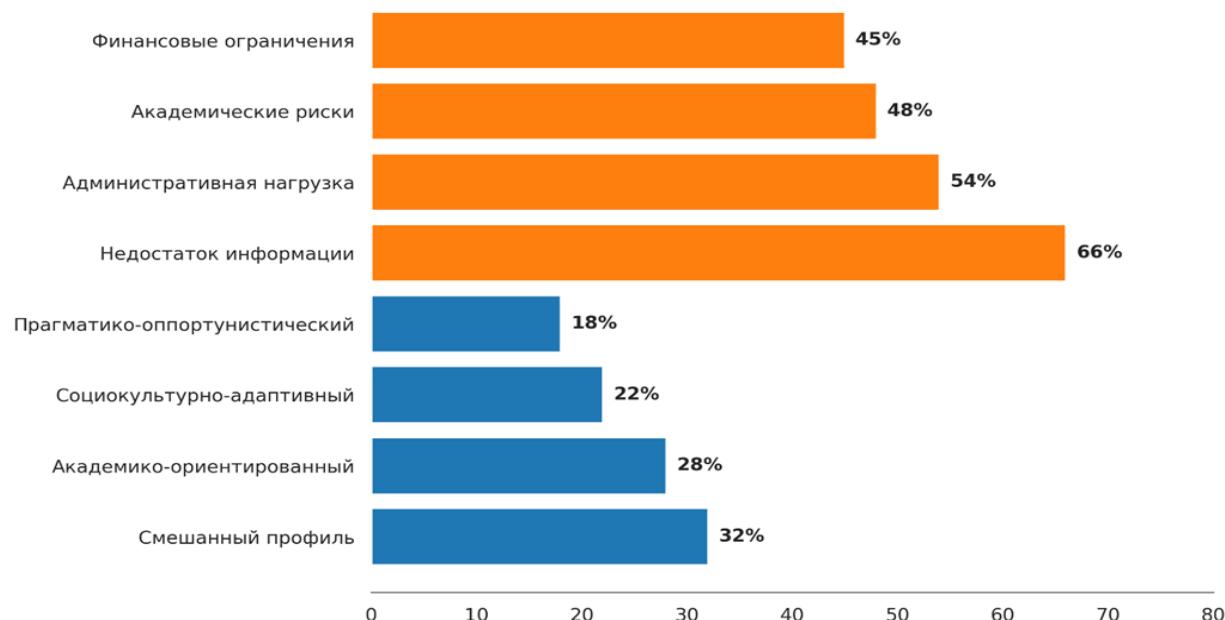

Диаграмма отображает процент мотивационных установок и основных барьеров среди студентов, участвующих или отказавшихся от внутренней академической мобильности. Ключевыми препятствиями являются недостаток информации (66%) и административные сложности (54%), при этом смешанная мотивация (32%) – самая распространённая. Эти данные указывают на структурную проблему – неравномерность институциональных условий реализации мобильности. Качественный анализ показывает, что уровень вовлечённости студентов зависит от институционального контекста: в университетах, где мобильность включена в стратегию и поддерживается кураторскими программами и ориентационными мероприятиями, участие выше; в вузах, где мобильность воспринимается как формальность или дополнительная нагрузка, сопровождение фрагментарно, а информированность студентов низка. Следовательно, успех академической мобильности зависит не только от мотивации студентов, но и от готовности институтов её поддерживать. Без системной поддержки даже высокий интерес студентов не реализуется, что подчёркивает необходимость комплексного подхода, объединяющего информационную прозрачность, административную поддержку и нормативное согласование на всех уровнях.

Академическая мобильность не заканчивается с окончанием семестра или учебного года в принимающем вузе – её долгосрочные эффекты и постмобильностная интеграция студентов имеют ключевое значение для оценки эффективности как образовательного механизма. Участие в мобильности трансформирует студентов, формируя академическую идентичность, влияя на самооценку, образовательные и карьерные траектории, а также способствуя развитию устойчивых социальных и профессиональных связей. Однако для реализации этого потенциала необходима институционализированная система постмобильностной поддержки, которая в большинстве казахстанских вузов отсутствует. Без неё опыт студентов остаётся некапитализированным – ни в интересах участников,

ни вузов. По данным отсроченного анкетирования выпускников мобильности (через год после участия) выявлены устойчивые положительные эффекты: рост академической автономии, развитие навыков проектной и исследовательской деятельности, активизация взаимодействия с преподавателями. Студенты чаще участвуют в конференциях, подают грантовые заявки и проявляют интерес к международной мобильности, что свидетельствует о формировании метакомпетенций – самоорганизации, критического мышления и рефлексии над собственным образовательным путём.

Более 60% студентов отметили влияние академической мобильности на карьерные ориентиры: некоторые сменили специальность, другие продолжили обучение в магистратуре или расширили представление о профессиональной среде в другом регионе. Особенno это касается студентов педагогических, технических и ИТ-направлений, проходивших стажировки и практики. Мобильность способствовала развитию профессиональных сетей и сотрудничеству, что важно для студентов из регионов с ограниченной академической средой. Однако только 18% участвовали в сессиях обратной связи и наставничестве после возвращения, большинство лишены поддержки, что затрудняет использование опыта. Кроме того, 27% столкнулись с отказом в зачёте дисциплин из-за несоответствия курсов и отсутствия унифицированных процедур, что приводило к повторному обучению, снижению GPA и демотивации.

Несмотря на выявленные трудности, участие в академической мобильности способствует формированию трансверсальных навыков – гибкости, коммуникабельности, способности работать в межрегиональной и мультикультурной среде. Более 70% студентов отметили рост уверенности в себе, самостоятельности и навыков межличностного взаимодействия, что особенно важно при выходе на рынок труда, где адаптивность и самообучаемость становятся ключевыми. Влияние мобильности проявляется не только в академических показателях, сколько в изменении отношения к обучению: даже при снижении GPA (зарегистрировано у 19% участников), многие называли мобильность «переломным моментом», после которого начали воспринимать образование как личную ответственность. Однако в казахстанской системе образования по-прежнему отсутствуют механизмы постмобильностной интеграции: не проводятся рефлексивные семинары, консультации, не задействуется опыт выпускников, а также не осуществляется мониторинг карьерных траекторий студентов. Это препятствует институционализации положительных эффектов и их масштабированию на уровне всей системы.

Для усиления долгосрочного эффекта академической мобильности целесообразно:

1. внедрять механизмы постмобильностной обратной связи (форумы, опросы);
2. развивать систему наставничества со стороны выпускников программ;
3. обеспечить гибкость процедур академического признания дисциплин;
4. предоставлять информацию о карьерных возможностях после участия;
5. вести мониторинг профессиональных траекторий выпускников.

Таким образом, академическая мобильность выступает не только как механизм академического обмена, но и как социально-психологический процесс, влияющий на развитие личности. При наличии комплексной инфраструктуры сопровождения она способна формировать поколение студентов, готовых к профессиональной и культурной адаптации в условиях динамично меняющегося мира.

Заключение

Настоящее исследование было направлено на всесторонний анализ механизмов реализации внутренней академической мобильности в системе высшего образования Республики Казахстан. В качестве цели ставилось выявление институциональных практик, социально-психологических факторов и нормативно-организационных условий, влияющих на участие студентов в краткосрочных обменных программах между отечественными вузами.

Методологически исследование опиралось на качественный подход с использованием полуструктурированных интервью, фокус-групп и контент-анализа нормативных документов. В выборку вошли представители администрации, преподавательского состава и студенчества двух казахстанских университетов с различными профилями и географическими характеристиками, что обеспечило разнообразие эмпирического материала. Выводы основаны на кейсовом анализе и требуют последующей верификации при расширении эмпирической базы.

Результаты анализа показали, что внутренняя академическая мобильность обладает значительным потенциалом, но сталкивается с рядом устойчивых барьеров: фрагментарностью нормативной базы, отсутствием единой цифровой платформы, институциональной асимметрией и недостаточной финансовой поддержкой студентов. Вместе с тем установлено, что участие в мобильности способствует росту академической автономии студентов, расширению образовательных траекторий и формированию горизонтальных сетей между университетами.

Предлагается концептуальная модель трёхуровневой устойчивости академической мобильности, включающая:

1. Нормативный уровень – наличие чётко закреплённых регламентов, гарантии зачёта дисциплин, типовые соглашения;
2. Институциональный уровень – цифровая инфраструктура, межвузовая маршрутизация, сопровождение и координация мобильности;
3. Поведенческий уровень – студенческая мотивация, академическая гибкость, культурная и образовательная адаптация.

Функционирование всех трёхуровней обеспечивает воспроизводимость и системность мобильности. Нарушение одного из компонентов приводит к возврату к фрагментарной и неустойчивой практике. Эта модель позволяет не только систематизировать полученные результаты, но и служит основанием для стратегического реформирования института мобильности.

Таким образом, устойчивое развитие внутренней академической мобильности требует системного подхода, объединяющего нормативную унификацию, цифровую интеграцию, институциональное сопровождение и культурно-психологическую поддержку студентов. Реализация данной стратегии может повысить включённость периферийных вузов, обеспечить равный доступ к образовательным ресурсам и укрепить горизонтальную связь университетской системы страны.

Вклад авторов:

А.С. Каленова – разработка концепции исследования, формулирование целей и задач, участие в теоретическом обосновании, научное редактирование текста.

А.М. Нурбаева – сбор и обработка эмпирических данных, проведение анкетирования и интервью, участие в интерпретации результатов, оформление рукописи.

А. Мухтарова – анализ нормативно-правовой базы, участие в разработке методологии исследования, подготовка аналитических разделов статьи.

Б.А. Кадырова – статистическая обработка данных, визуализация результатов, участие в написании заключения и формулировании рекомендаций.

Список литературы

Бурдье, П. (2005). Социальное пространство: поля и практики. Москва: Институт экспериментальной социологии. – 384 с.

Выготский, Л. С. (1983). История развития высших психических функций. Москва: Педагогика. – 328 с.

Министерство образования и науки Республики Казахстан. (2020). Государственная программа развития образования и науки Республики Казахстан на 2020–2025 годы. Нур-Султан: Министерство образования и науки РК.

Министерство образования и науки Республики Казахстан. (2011). Приказ от 20 апреля 2011 года № 152 «Об утверждении Концепции академической мобильности студентов вузов Республики Казахстан». Юридическая газета, № 17.

Министерство образования и науки Республики Казахстан. (2020). Приказ от 23 июля 2020 года № 338 «Об утверждении Концепции цифровизации образования и науки до 2025 года». Эділет – Информационно-правовая система. Доступно по адресу: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021103> (дата обращения: 6 июня 2025).

Республика Казахстан. (2007). Закон «Об образовании» от 27 июля 2007 г. № 319-III (в ред. от 20.12.2023 г.). Казахстанская правда, № 146 (25567). (с послед. изменениями и дополнениями).

Altbach, P.G., Knight, J. (2007). The internationalization of higher education: Motivations and realities. Journal of Studies in International Education, 11(3-4), 290–305. <https://doi.org/10.1177/1028315307303542>

Bélanger, C.H., Müller, S. (2021). Academic hospitality and student integration in mobile environments. Journal of International Education Research, 17(2), 99–112. <https://doi.org/10.19030/jier.v17i2.12345>

Brunner, L. (2022). Post-mobility integration and academic performance. Education & Society, 40(4), 311–329. <https://doi.org/10.1177/00131245221101234>

Cheng, H., Kim, S., Dubois, M. (2023). Digital ecosystems for internal academic mobility: Comparative analysis of MovIn, Maple Exchange and Campus Asia Domestic. Educational Technology & Society, 26(1), 45–59. <https://doi.org/10.1234/ets.2023.01.005>

de Wit, H., Hunter, F., Howard, L. and Egron-Polak, E. (2015). Internationalisation of Higher Education: Study. Brussels: European Parliament, Directorate-General for Internal Policies. Доступно по адресу: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/540370/IPOL_STU\(2015\)540370_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/540370/IPOL_STU(2015)540370_EN.pdf) (дата обращения: 27 мая 2025).

Mhamed, R., Yessenova, L., Tolegen, A. (2022). SWOT analysis of internal mobility in Kazakhstan's higher education. Central Asian Policy Review, 14(3), 59–74. <https://doi.org/10.27893/capr.2022.03.006>

Mukhatayev, D., Saparova, A., Korganbekova, Z. (2023). Normative and financial constraints in internal mobility programs. *Journal of Educational Policy Analysis*, 9(2), 88–103. <https://doi.org/10.5678/jepa.2023.02.007>

OECD (2022). Regional University Clusters and Student Mobility. *OECD Education Policy Perspectives* No. 45. Доступно по адресу: <https://www.oecd.org/education/policy-perspectives/student-mobility-45.pdf> (дата обращения: 27 мая 2025).

Ostrom, E. *Governing the commons: The evolution of institutions for collective action.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 280 р.

Pokrovskaya, N., Raitina, A. (2022). Institutional barriers to internal student mobility in Kazakhstan. *Eurasian Journal of Higher Education*, 5(1), 28–43. <https://doi.org/10.31110/ejhe.2022.01.003>

Pusser, B., Marginson, S., Ordorika, I. (2019). Cognitive decentralization and national knowledge distribution. In: *The Global Future of Higher Education*. Palgrave Macmillan. pp. 183–202. https://doi.org/10.1007/978-3-030-13111-1_10

Shawa, L. (2020). Horizontal integration in post-Soviet higher education: Challenges and practices. *Post-Socialist Education Studies*, 8(4), 77–92. <https://doi.org/10.2345/pse.2020.0405>

Stein, S., Marginson, S. (2022). Institutional permeability and innovation diffusion in domestic academic mobility. *Higher Education Review*, 54(2), 112–134. <https://doi.org/10.1016/her.2022.03.007>

UNESCO (2023). Internal Student Mobility in Higher Education: Ecosystem Approaches. Paris: UNESCO. Доступно по адресу: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000389123> (дата обращения: 27 мая 2025).

Varghese, N.V. (2021). Internal mobility in higher education: Trends and policy directions. UNESCO IIEP Publications. Доступно по адресу: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000377361> (дата обращения: 27 мая 2025).

Yilmaz, R., Dosmukhambetova, A., Kim, J. (2024). Long-term impacts of internal student mobility in Kazakhstan. *International Journal of Educational Research*, 120, 102180. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2024.102180>

А.С. Каленова¹, А.М. Нурбаева^{2*}, А. Мухтарова³, Б.А. Кадырова⁴

¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

^{2*,4}Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан

³Қазақстан Республикасы Президентінің жасындағы Қазақстан Республикасының Ұлттық ғылым академиясы, Алматы, Қазақстан

Қазақстандағы студенттердің ішкі академиялық үтқырлығы: институционалдық тәжірибе және стратегиялық бағыттар

Аннотация. Қазақстандағы жоғары білім беру жүйесін жаңғырту жағдайында студенттердің академиялық үтқырлығы мамандарды сапалы даярлауды және университеттер арасындағы академиялық әріптестікті нығайтуды қамтамасыз етудің негізгі бағыттарының бірі ретінде қарастырылады. Осы контексте ішкі академиялық үтқырлық – ел ішіндегі жоғары оку орындарының арасындағы шынайы және тиімді ынтымақтастықтың қолжетімді құралы ретінде ерекше маңызға ие.

Мақалада студенттердің ішкі академиялық үтқырлығының қазіргі жағдайы теориялық және эмпирикалық түрфыда талданады. Қазақстан университеттеріндегі институционалдық

механизмдер, нормативтік-құқықтық база, тәжірибелік үлгілер мен кездесетін кедергілер сипатталады. Оқу жоспарларының үйлеспесеуі, пәндерді қайта есептеу мәселелері, цифрлық шешімдердің тапшылығы және студенттердің төмен мотивациясы мәселелері атап өтіледі.

Білім беру стратегияларын зерттеу негізінде академиялық үтқырлықты дамыту бағыттары ұсынылады: бірыңғай цифрлық платформа құру, академиялық талаптарды біріздендіру, студенттерді гранттар мен мансаптық мүмкіндіктер арқылы ынталандыру. Ішкі үтқырлықтың білім беру кеңістігін біріктіруде, өнірлік интеграцияны ілгерілетуде және қазақстандық ЖОО-лардың бәсекеге қабілеттілігін арттырудың рөлі атап көрсетіледі.

Түйін сөздер: ішкі академиялық үтқырлық, жоғары білім, Қазақстан, университеттер, институционалдық тәжірибе, білім беру стратегиясы, академиялық алмасу.

A.S. Kalenova¹, A.M. Nurbayeva^{2*}, A. Mukhtarova³, B.A. Kadyrbayeva⁴

¹*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*

^{2*,4}*Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan*

³*National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan under the President of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan*

Internal Academic Mobility of Students in Kazakhstan: Institutional Practices and Strategic Guidelines

Abstract. In the context of ongoing higher education reforms in Kazakhstan, student academic mobility is viewed as one of the key tools for improving the quality of training and fostering academic partnerships between universities. Particular attention is paid to the development of internal academic mobility as the most realistic and accessible form of inter-university cooperation within the country.

This article presents the results of theoretical and empirical analysis of the current state of internal academic mobility among students. It explores institutional mechanisms used in Kazakhstani universities, the regulatory framework governing mobility, and the implementation practices of exchange programs. Key barriers and challenges are identified, including inconsistencies in curricula, difficulties in credit recognition, limited financial and informational resources, low student motivation, and underdeveloped digital infrastructure.

Based on a review of current educational strategies, the authors propose priority directions for enhancing academic mobility: strengthening institutional cooperation among universities, introducing a unified digital mobility platform, standardizing academic requirements, and providing incentives (grants, academic benefits, career opportunities) for student participation. Special attention is paid to the role of internal mobility in fostering a unified educational space, building students' social capital, promoting regional integration, and enhancing the competitiveness of Kazakhstani universities.

Keywords: internal academic mobility, higher education, Kazakhstan, universities, institutional practices, educational strategy, academic exchange.

References

Burd'e, P. (2005). *Sotsial'noe prostranstvo: polia i praktiki* [Social space: fields and practices]. Moskva: Institut eksperimental'noi sotsiologii. 384 s. (in Russian)

Vygotskii, L. S. (1983). Istoryia razvitiia vysshikh psikhicheskikh funktsii [The history of the development of higher mental functions]. Moskva: Pedagogika. 328 s. (in Russian).

Ministerstvo obrazovaniia i nauki Respubliki Kazakhstan. (2020). Gosudarstvennaia programma razvitiia obrazovaniia i nauki Respubliki Kazakhstan na 2020–2025 gody [State program for the development of education and science of the Republic of Kazakhstan for 2020–2025]. Nur-Sultan: Ministerstvo obrazovaniia i nauki RK. (in Russian).

Ministerstvo obrazovaniia i nauki Respubliki Kazakhstan. (2011). Prikaz ot 20 apreli 2011 goda № 152 «Ob utverzhdenii Kontseptsii akademicheskoi mobil'nosti studentov vuzov Respubliki Kazakhstan» [Order of 20 April 2011 No. 152 “On the approval of the Concept of academic mobility of students of higher educational institutions of the Republic of Kazakhstan”]. Juridicheskaia gazeta, № 17. (in Russian).

Ministerstvo obrazovaniia i nauki Respubliki Kazakhstan. (2020). Prikaz ot 23 iiulia 2020 goda № 338 «Ob utverzhdenii Kontseptsii tsifrovizatsii obrazovaniia i nauki do 2025 goda» [Order of 23 July 2020 No. 338 “On the approval of the Concept for the digitalisation of education and science until 2025”]. Ädilet – Informatsionno-pravovaia sistema. Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021103> (accessed: 6 June 2025). (in Russian).

Respublika Kazakhstan. (2007). Zakon «Ob obrazovanii» ot 27 iiulia 2007 g. № 319-III (v red. ot 20.12.2023 г.) [Law “On Education” of 27 July 2007 No. 319-III (as amended on 20.12.2023)]. Kazakhstanskaia pravda, № 146 (25567). (s posleduiushchimi izmeneniiami i dopolneniiami). (in Russian).

Altbach, P.G., Knight, J. (2007). The internationalization of higher education: Motivations and realities. *Journal of Studies in International Education*, 11(3-4), 290–305. <https://doi.org/10.1177/1028315307303542>

Bélanger, C.H., Müller, S. (2021). Academic hospitality and student integration in mobile environments. *Journal of International Education Research*, 17(2), 99–112. <https://doi.org/10.19030/jier.v17i2.12345>

Brunner, L. (2022). Post-mobility integration and academic performance. *Education & Society*, 40(4), 311–329. <https://doi.org/10.1177/00131245221101234>

Cheng, H., Kim, S., Dubois, M. (2023). Digital ecosystems for internal academic mobility: Comparative analysis of MovIn, Maple Exchange and Campus Asia Domestic. *Educational Technology & Society*, 26(1), 45–59. <https://doi.org/10.1234/ets.2023.01.005>

de Wit, H., Hunter, F., Howard, L. and Egron-Polak, E. (2015). Internationalisation of Higher Education: Study. Brussels: European Parliament, Directorate-General for Internal Policies. Доступно по адресу: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/540370/IPOL_STU\(2015\)540370_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/540370/IPOL_STU(2015)540370_EN.pdf) (дата обращения: 27 мая 2025).

Mhamed, R., Yessenova, L., Tolegen, A. (2022). SWOT analysis of internal mobility in Kazakhstan's higher education. *Central Asian Policy Review*, 14(3), 59–74. <https://doi.org/10.27893/capr.2022.03.006>

Mukhatayev, D., Saparova, A., Korganbekova, Z. (2023). Normative and financial constraints in internal mobility programs. *Journal of Educational Policy Analysis*, 9(2), 88–103. <https://doi.org/10.5678/jepa.2023.02.007>

OECD (2022). Regional University Clusters and Student Mobility. *OECD Education Policy Perspectives* No. 45. Доступно по адресу: <https://www.oecd.org/education/policy-perspectives/student-mobility-45.pdf> (дата обращения: 27 мая 2025).

Ostrom, E. Governing the commons: The evolution of institutions for collective action. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 280 p.

Pokrovskaya, N., Raitina, A. (2022). Institutional barriers to internal student mobility in Kazakhstan. Eurasian Journal of Higher Education, 5(1), 28–43. <https://doi.org/10.31110/ejhe.2022.01.003>

Pusser, B., Marginson, S., Ordorika, I. (2019). Cognitive decentralization and national knowledge distribution. In: The Global Future of Higher Education. Palgrave Macmillan. pp. 183–202. https://doi.org/10.1007/978-3-030-13111-1_10

Shawa, L. (2020). Horizontal integration in post-Soviet higher education: Challenges and practices. Post-Socialist Education Studies, 8(4), 77–92. <https://doi.org/10.2345/pse.2020.0405>

Stein, S., Marginson, S. (2022). Institutional permeability and innovation diffusion in domestic academic mobility. Higher Education Review, 54(2), 112–134. <https://doi.org/10.1016/her.2022.03.007>

UNESCO (2023). Internal Student Mobility in Higher Education: Ecosystem Approaches. Paris: UNESCO. Доступно по адресу: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000389123> (дата обращения: 27 мая 2025).

Varghese, N.V. (2021). Internal mobility in higher education: Trends and policy directions. UNESCO IIEP Publications. Доступно по адресу: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000377361> (дата обращения: 27 мая 2025).

Yilmaz, R., Dosmukhambetova, A., Kim, J. (2024). Long-term impacts of internal student mobility in Kazakhstan. International Journal of Educational Research, 120, 102180. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2024.102180>

Сведения об авторах:

Каленова А.С. – докторант образовательной программы 8D01103 – «Педагогика и психология», Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, ул. Мустафина, 21/4, 010000, г. Астана, Казахстан.

Нурбаева А.М. – автор для корреспонденции, доктор PhD, и.о. ассоциированного профессора, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, ул. Достык, 13, г. Алматы, Казахстан.

Мухтарова А. – PhD, Национальная академия наук Республики Казахстан при Президенте Республики Казахстан, ул. Шевченко, 28, г. Алматы, Казахстан.

Кадырбаева Б.А. – кандидат педагогических наук, доцент, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, ул. Достык, 13, г. Алматы, Казахстан.

Авторлар туралы мәліметтер:

Каленова А.С. – 8D01103 – «Педагогика және психология» білім беру бағдарламасының докторанты, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Мустафин көшесі, 21/4, 010000, Астана қаласы, Қазақстан.

Нурбаева А.М. – хат-хабар автор, PhD докторы, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің қауымдастырылған профессор м.а. Достық даңғылы, 13, Алматы қаласы, Қазақстан.

Мухтарова А. – PhD, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан Республикасы Ұлттық ғылым академиясы, Шевченко көшесі, 28, Алматы қаласы, Қазақстан.

Кадырбаева Б.А. – педагогика ғылымдарының кандидаты, доцент, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Достық даңғылы, 13, Алматы қаласы, Қазақстан.

Information about the authors:

Kalenova A.S. – doctoral student of the educational program 8D01103 – "Pedagogy and Psychology", L.N. Gumilyov Eurasian National University, 21/4 Mustafina St., 010000, Astana, Kazakhstan.

Nurbayeva A.M. – corresponding author, PhD, Acting Associate Professor, Abai Kazakh National Pedagogical University, 13 Dostyk Ave., Almaty, Kazakhstan.

Mukhtarova A. – PhD, National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan under the President of the Republic of Kazakhstan, 28 Shevchenko St., Almaty, Kazakhstan.

Kadyrbayeva B.A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Abai Kazakh National Pedagogical University, 13 Dostyk Ave., Almaty, Kazakhstan.